

Роль прокуратуры при расследовании государственных преступлений священнослужителей после судебной реформы 1864 года

Скутнев А. В.

Вятский государственный университет,
г. Киров
skutnev@mail.ru

Аннотация

Цель статьи – показать работу правоохранительных органов в результате осуществленной судебной реформы 1864 г. Примером выбрана деятельность окружной прокуратуры, которая выступала как особенная обвинительная власть, независимая от судебной власти. Полномочия прокуратуры были очень широкими: от начала проведения следствия до выступления обвинителем в суде. Прокурор проверял материалы, полученные в ходе дознания полицией, и часто серьезно их корректировал. Подобное стало возможным благодаря принятию новых передовых законов, регулирующих ее деятельность.

В результате судебной реформы прокуратура получила ясные и четко прописанные правила ведения следствия и доведения дела до суда. Как показывает практика, прокурор четко следовал букве закона даже по политическим делам против государственного строя. Судебная власть пореформенного времени в процессуальном плане была независима от исполнительной власти и самостоятельной в отправлении правосудия.

С другой стороны, количество возбуждаемых политических дел в годы Первой русской революции стало огромным, что доказывает конкретное направление усилий правоохранительных органов. Увеличение количества открываемых дел сказывалось на времени их рассмотрения. Прокуратура успешно работала в режиме перенапряжения, справляясь с изменившимися обстоятельствами.

Ключевые слова:

история прокуратуры, предварительное следствие, судебная реформа 1864 г., государственные преступления

The role of the Prosecutor's Office in investigating state crimes of the clergy after the judicial reform of 1864

Skutnev A. V.

Vyatka State University,
Kirov
skutnev@mail.ru

Abstract

The purpose of the paper is to demonstrate the work of law enforcement agencies following the judicial reform of 1864. The activities of the District Prosecutor's Office are used as an example.

The Prosecutor's Office acted as a special prosecutorial authority, independent of the judicial power. Its powers were very broad, ranging from conducting investigations to prosecuting in court. The prosecutor reviewed materials obtained during police inquiries and often significantly revised them. This became possible thanks to the adoption of new, progressive laws regulating its activities.

As a result of judicial reform, the Prosecutor's Office received clear and precisely defined rules for conducting investigations and bringing cases to trial. As practice shows, the prosecutor strictly followed the letter of the law, even in political cases against the state system. The post-reform judicial power was procedurally independent from the executive power and autonomous in the administration of justice.

On the other hand, the number of politically motivated cases during the First Russian Revolution has become enormous, demonstrating the specific focus of law enforcement efforts. The increase in the number of cases opened affected the time it took to review them. Although the Prosecutor's Office worked under strain, it coped with the changed circumstances.

Keywords:

history of the Prosecutor's Office, preliminary investigation, judicial reform of 1864, state crimes

Судебная реформа 1864 г. установила четкие и объективные правила привлечения граждан страны к суду [1]. Однако внутренняя жизнь страны при этом не была перестроена на тех же основаниях равенства, что и судебная система. В результате более современная судебная система часто сталкивалась с рудиментами дореформенного суда. Например, в стране сохранились сословия и кор-

поративные суды. Одним из таких судов был церковный суд, который не подвергся реформированию, как другие суды, хотя проекты его преобразования и были созданы в 1870-е гг.

В результате духовное сословие подчинялось собственным судам и церковным органам управления. Однако некоторые дела в отношении клириков рассматривали

суды общей юрисдикции. Это относилось, прежде всего, к важным уголовным преступлениям. Согласно ст. 188 Устава духовных консисторий 1841 г., за совершение уголовного преступления духовное лицо подлежало исключению из духовного сословия и, следовательно, его судили уже как обычного гражданина [2].

Во время Первой русской революции старая политическая система стала трещать по швам и ее институты испытывали колоссальную, невиданную ранее нагрузку на прочность. Нам интересно рассмотреть, как судебная система реагировала не просто на совершение уголовных преступлений, а на совершение преступлений против государственного строя теми, кому была, казалось бы, поручена его защита. Мы имеем ввиду православное духовенство.

Особенный интерес представляет, как проходил уголовный процесс, когда дело касалось духовных лиц, тем более обвиняемых по политическим преступлениям. Подобные эпизоды отмечались по всем губерниям, однако суд по государственным преступлениям проводился в Судебных палатах, которые объединяли несколько губерний. Поэтому мы рассмотрим подробно только стадию подготовки к судебному заседанию, т. е. следствие, надзор над которой осуществлял прокурор. С одной стороны, прокурор должен был защищать интересы государства и абсолютной, ничем неограниченной монархии, с другой – действовать в рамках правового поля, согласно действующему законодательству. Важное значение для понимания судебной системы поздней Российской империи имеет то, как прокурор выходил из этой щекотливой ситуации и какие действия предпринимал.

Данная тема, в отличие от изучения собственно пореформенной прокуратуры, иногда возникает в научных исследованиях, но явно недостаточно, учитывая масштаб преобразований судебных органов [3, 4]. Еще реже исследователи изучают работу прокуратуры по расследованию государственных преступлений [5–7] и единичны случаи изучения судебных дел в светских судах в отношении духовенства [8].

Для примера мы возьмем одно конкретное дело, рассматриваемое Вятской прокуратурой, и проанализируем его с точки зрения исполнения процессуальных норм.

Главными нормативными актами, регулирующими работу прокурора в изучаемый период, служили раздел VII. о Прокурорах Основных положений преобразования судебной части в России 1862 г. (ОПП), Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) и Уголовное уложение 1903 г. (УУ) [9–11].

Важнейшим изменением судебной реформы Александра II стало то, что обвинительная власть была отделена судебной. Законодательно было закреплено, что обвинительная власть, под которой подразумевалось обнаружение преступления и преследование виновных, принадлежит прокурорам.

В губерниях прокуратура появилась при окружных судах, кроме того при прокурорах учреждались должности товарищей, которые помогали им в работе (ст. 47 ОПП). Но до начала работы прокурорских работников по делу про-

водилось дознание о преступлении. Дознание по уголовным делам проводила полиция, которая должна была обо всем уведомлять прокурора. Прокурор должен был лишь следить за правильностью дознания и при необходимости давать советы.

После окончания дознания начиналось предварительное следствие: материалы передавались следователю, который находился под постоянным надзором прокурора (ст. 278–287 УУС).

По итогам следствия прокурор писал предварительное заключение (ст. 51 ОПП) и передавал дело в суд. В самом суде прокурор поддерживал государственное обвинение в суде и выступал как особая обвинительная власть (ст. 47 ОПП).

Однако по наиболее важным делам следствие проводила сама прокуратура Судебной палаты, а не окружного суда. Согласно ст. 1037 УУС, предварительное следствие по государственным преступлениям производилось одним из членов судебной палаты при личном присутствии прокурора палаты или его товарища. На основании ст. 1036 УУС прокурор палаты мог поручить производство дознания по этим делам прокурору окружного суда или его товарищу или полиции. Важно понимать, что это было сделано ввиду того, что судебные палаты были не во всех епархиях, вследствие чего расстояние до места расследования могло быть очень значительным.

Некоторые авторы считают, что прокуроры превратились в руководителей предварительного расследования [4, с. 49]. Согласно ст. 279 ОПП, при производстве дознаний о преступлениях полицейские чины состояли в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей. Прокуроры за упущения при дознании даже могли привлекать их к уголовной ответственности.

По мере роста политических преступлений и усиления реакции система видоизменялась [12]. Закон от 19 мая 1871 г. прямо поручил производство дознания по государственным преступлениям жандармским офицерам при надзоре прокурора [13]. О существенном отличии юридической подготовки между жандармами и прокурорскими работниками весьма подробно написал К. П. Краковский [6]. Тем не менее именно жандармы давали ход рассмотрению дел о государственных преступлениях и проводили дознание, определяя вину.

Итак, рассматриваемое нами дело началось с того, что 23 августа 1906 г. пристав 1-го стана Яранского уезда донес прокурору Вятского окружного суда (ВОС) по Яранскому участку о совершении преступления. В донесении говорилось, что священник с. Шешурги Матвей Григорьев Ветлужский «21 августа порицал Священную Особу Императора выражением "шишка" и подстрекал крестьян не платить подати и не отдавать в военную службу сыновей» [14, л. 2]. Дело рассматривалось в течение четырех лет и завершено было только 10 ноября 1910 г. Так как дело было политическим, оно проходило под грифом «секретно».

Нужно сказать, что в 1906 г., когда рассматривалось данное преступление, прокурор Вятского окружного суда большую часть своего времени потратил именно на политические государственные дела. Самыми массовыми

и типичными были: дела по обвинению в распространении политической литературы и прокламаций [15], за публикацию политических статей [16], за выступления против существующего строя [17]. Отдельными случаями представлены дела о содержании тайной типографии [18], издательство запрещенной литературы [19], членство в тайном обществе [20].

Рассматриваемое дело принадлежит к одним из самых частых – по обвинению в оскорблении царя [21]. Только за 1906 г. прокуратура возбудила следствие по 42 таким делам. Но данное следствие было нетипичным. Во-первых, оно единственное в этом году касалось личности священнослужителя. Дела о совершении священнослужителями государственных преступлений в годы Первой русской революции случались, но не были массовыми [22]. Во-вторых, сроки подготовки дела к следствию отличались. 29 подобных дел были рассмотрены в течение года, 23 – двух лет и только по 6 делам прокурор готовил материалы больше двух лет.

Итак, приступим к изучению материалов дела. Полиция обязана была в течение суток с момента получения информации о совершении преступления уведомить об этом прокуратуру (ст. 250 УУС). Хотя ст. 253 УУС позволяла полиции провести предварительное дознание, если информация о преступлении была получена на основании слуха. Как покажет дальнейшее расследование, здесь речь идет именно о слухе, так как свидетели еще не были опрошены. Но полиция решает сообщить о данном факте, вероятно, ввиду серьезности предполагаемого преступления.

Также пристав уведомил об этом своего начальника – Яранского уездного исправника. Из дела следует, что поводом для начала следственных действий послужило сообщение Шешургского волостного правления от 21 августа [14, л. 2]. Полиция имела законное право в возбуждении дела по ст. 297 УУС.

Через месяц, 28 сентября, начальник Вятского губернского жандармского управления поставил в известность прокурора ВОС о том, что «...мною возбуждается дознание в порядке 1035 ст. УУС по обвинению в преступлениях, предусмотренных 103 и 129 ст. УУ. Производство поручается Помощнику моему в г. Вятке – Ротмистру Кожину» [там же, л. 3].

В результате 28 сентября 1906 г. было открыто производство прокурора ВОС по наблюдению за делом о священнике Матвее Ветлужском, обвиняемом в преступлениях, предусмотренных 103 и 129 ст. УУ (за оскорбление царя и как агитатора среди крестьян против существующего строя) [там же, л. 3].

Статья 1035 УУС обязывала о всяком злоумышлении, заключающем в себе признаки государственного преступления, сообщать прокурору судебной палаты. Это было связано с тем, что дела по государственным преступлениям не могли рассматриваться в окружных судах, а только судебных палатах (ст. 22 ОПП).

Следовательно, прокурор ВОС готовил обвинительный акт для такой палаты, которая располагалась в Казани.

По новому Уголовному уложению 1903 г. священник обвинялся по ст. 103 за оскорбление царствующего Импера-

тора. Максимальным наказанием по данной статье была каторга до 8 лет. За эти же действия, но если они не имели цели возбудить неуважение к особе царствующего Императора, наказанием было заключение в крепости.

Пункт 3 ст. 129 предполагал за публичное высказывание, возбуждающее неповиновение или противодействие закону или законному распоряжению власти заключение в исправительном доме до трех лет.

Как видно из материалов дела, статьи обвинения первоначально определили органы полиции. Прокурор ВОС сделал поручение товарищу прокурора Яранского уезда «представить мне сведения, требуемые предписанием от 30 сентября 1906 г. по делу о священнике Матвее Ветлужском» [там же, л. 4].

Товарищ прокурора Яранского уезда следил за дознанием и сообщал о недоработках полиции. Так, 27 ноября он уведомил прокурора ВОС «...имею честь донести, что дело, находящееся на производстве у ротмистра Кожина остается до сего времени без движения за массой у г. Кожина – по его личному мне заявлению, срочных работ по арестантским делам» [там же, л. 5]. Товарищ прокурора предложил г. ротмистру Кожину ускорить производство по означенному делу.

Дознание длилось два месяца. Товарищ прокурора Яранского уезда сделал Представление прокурору ВОС 16 января 1907 г., в котором говорилось: «Ротмистром Кожиним 10 января в с. Шешурги допрошено два свидетеля Петр Васильев Михеев и священник с. Шешурги Василий Дмитриевич Решетов. Оба они удостоверили, что священник Матвей Ветлужский, прибыв на службу в село в качестве младшего священника в феврале 1906 г., все время ведет нетрезвую жизнь и агитирует против правительства среди крестьян, собирая последних иногда в своей квартире, иногда в деревнях при случайных поездках. Первоначально Ветлужских развешивал крестьянам Манифест 17 октября 1905 г. и затем с осени 1906 г. стал убеждать крестьян не платить подати и не отдавать рекрутов... 20 августа 1906 г. в своем доме священник Ветлужских сказал в присутствии крестьян Петра Сластникова, Николая Скрябина и других, что Государь не умеет править. Его надо под задницу» [там же, л. 6].

По результатам допроса свидетелей 10 января 1907 г. священник Ветлужских был привлечен в качестве обвиняемого. Однако виновным он себя в данных преступлениях не признал, объяснив, что он «никогда крестьян к неповиновению Закона и распоряжений властей не возбуждал, а напротив убеждал их повиноваться начальству» [там же]. Мерой пресечения была избрана указанная в п. 2 ст. 416 УУС, дающая широкий простор для избрания меры пресечения находившимся под следствием, включая отдачу на поруки, залог, домашний арест и взятие под стражу. В нашем случае была выбрана отдача под особый надзор полиции.

Однако, хотя полиция и избрала меру пресечения, дело остановилось в связи с тем, что не были допрошены главные свидетели Скрябин и Сластников, в присутствии которых священник и произносил свои преступные слова. Они находились во временном отпуске. С другой стороны,

имеющихся показаний хватило для окончания дознания, следовательно, был установлен факт преступления и началось непосредственно следствие.

В соответствии со ст. 255 УУС полиция должна была передать дознание следователю и по прибытии его прекратить все действия (ст. 260). Хотя закон позволял следователю давать поручения полиции в дальнейшем, в данном деле полиция больше не принимала участие.

При этом, некоторые исследователи считают, что жандармерия по закону 19 мая 1871 г. фактически подменила следствие и для рассмотрения дела в суде достаточно было обвинительного заключения прокурора, составленного на основе материалов дознания [23, с. 1975]. Однако из материалов дела видно, что прокуратура провела дополнительное следствие и существенно доработала материалы дознания.

Прокурор Вятского окружного суда, ознакомившись с результатами дознания, 18 января сделал следующие распоряжения:

«№ 85 помощнику Начальника Вятского губернского жандармского управления в г. Вятке Ротмистру Кожину о передаче дознания для производства следствия Судебному следователю по важнейшим делам;

№ 86 Судебному следователю по важнейшим делам – о принятии дела к своему производству;

№ 87 Товарищу прокурора г. Шкляеву о наблюдении за производством следствия и о представлении подробных донесений;

№ 88 Товарищу прокурора Яранского участка о передаче наблюдательного за дознанием производства тов. прокурора Шкляеву;

№ 95 донесено о сем г.прокурору Казанской судебной палаты» [14, л. 9].

Как мы видим, прокурор начал по материалам дознания следствие. О начале следствия и подготовке передачи политического дела он уведомил Казанскую судебную палату, где предстояло состояться суду. Следствие было поручено вести следователю по важнейшим делам под наблюдением товарища прокурора по Вятскому окружному суду.

Однако даже эти распоряжения были выполнены с задержкой. Ротмистр Кожин 25 января сообщал прокурору Вятского окружного суда: «Сим честь имею сообщить, что таковое замедление в исполнении предложения Вашего произошло вследствие отлучки моей из г. Вятки» [там же, л. 12].

После получения материалов дознания судебный следователь по важнейшим делам 26 января 1907 г. уведомил прокурора ВОС об изменении меры пресечения, принятой в отношении священника Матвея Ветлужских.

6 февраля было издано Постановление об изменении меры пресечения, где говорилось: «Меру пресечения отменить и потребовать от последнего представить поручительства с денежною ответственностью в размере 300 рублей, а впредь до представления означенного поручительства заключить Ветлужских под стражу в Яранский тюремный замок» [там же, л. 16].

По действующему законодательству священнослужители и монашествующие, обвиняемые в вышеозначенных

преступлениях, должны были содержаться под стражей отдельно от других заключенных.

У прокурора была возможность в соответствии со ст. 283 УУС требовать у следователя ограничиться менее строгой мерой в отношении обвиняемого, но только если это не касалось лишения прав состояния, как в данном случае. Важно, что с этого момента меняются статьи, по которым обвинялся подозреваемый: вместо ст. 103 и 129, были указаны п. 2 ст. 103 и п. 3 ст. 130 УУ [там же]. Ст. 130 отличалась от ст. 129 тем, что карала за распространение тех же учений и суждений, но непублично. Наказание по п. 3, что ст. 129, что ст. 130 было одинаковым – заключение в исправительном доме.

Из материалов дела видно, что, во-первых, о словах подозреваемого сообщили только его коллеги, а другие свидетели не подтвердили информацию. Во-вторых, запрещенные слова священник произносил у себя дома. Безусловно, прокуратура была более компетентна, чем жандармерия [6].

8 февраля 1907 г. товарищ прокурора Шкляев уведомил прокурора о том, что «Священник Ветлужских 4 февраля допрошен в качестве обвиняемого <...> отрицая свою виновность в означенных преступлениях, дал те же объяснения, что и 10 января при допросе Ротмистру Кожину» [там же, л. 17].

26 февраля 1907 г. товарищ прокурора Шкляев сделал Представление прокурору ВОС, в котором говорилось, что «Ввиду окончания следствия по делу о священнике Матвее Григорьеве Ветлужских, обвиняемом в преступлении, предусмотренных 103 и 130 ст. УУ, разрешите Представить Вашему Высочородию составленный мною проект обвинительного акта по этому делу, список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию и наблюдательное производство» [там же, л. 18].

4 марта 1907 г., т. е. примерно через месяц нахождения подозреваемого в Яранском тюремном замке, крестьяне с. Шешургское (Василий Краев, Ефим Оносов, Степан Оносов, Ареф Оносов, Семен Кулыгин и Иван Оносов) изъявили желание взять на поруки названного выше священника, предоставив доказательства владения недвижимым имуществом в общей сложности на сумму 750 руб.

Судебный следователь по важнейшим делам, рассмотрев заявления крестьян Шешургского села, постановил:

1. Поручительство принять, распределив между ними размер денежной ответственности (300 руб.);

2. Священника немедленно освободить из-под стражи [там же, л. 24].

14 марта поступило Предписание прокурора Казанской судебной палаты о возвращении судебному следователю по важнейшим делам материалов для дополнения [там же, л. 25].

В результате прокурор ВОС 23 марта пишет судебному следователю о необходимости провести дополнительное следствие [там же, л. 26].

Получив законченное дело от следователя, прокурор должен был в течение недели рассмотреть его и решить произведено ли дело с надлежавшей полнотой и следует ли обвиняемого передать суду или прекратить дело.

Именно на прокурора возлагалась ответственность за достаточность доказательств, собранных по предварительному следствию [12, с. 161]. Потому что суд, получив дело, мог вернуть его следователю только при обнаружении совершения более опасного преступления.

Так как обвиняемым по делу проходил священнослужитель, третьей стороной, которая имела право получать информацию о ходе расследования, была Русская православная церковь. Судебные следователи на протяжении всего производства следствия предоставляли все сведения, разъяснявшие суть дела, духовным властям.

7 апреля прокурору ВОС поступило обращение от Вятской духовной консистории, в котором говорилось «Консистория имеет честь покорнейше просить Вас, Милостивый государь, уведомить Консисторию о положении дела о священнике с. Шешурги Яранского уезда Матвея Ветлужских, обвиняемом в преступлении предусмотренном 2 п. 103 и 3 п. 130 с. УУ, направленное к Вам Судебным следователем ВОС по важнейшим делам 23 февраля» [14 л. 28].

Не нужно при этом считать, что церковные власти всегда соглашались с обвинениями светских властей. В том же 1907 г. по результатам проведенного расследования не было подтверждено обвинение другого священника с. Моньи Малмыжского уезда А. Жилина в раздаче прокламаций [24].

В мае 1907 г. дополнительная проверка была завершена. 24 мая товарищ прокурора ВОС предоставил прокурору ВОС проект обвинительного акта [14, л. 34].

Все материалы об окончании предварительного следствия поступали в прокуратуру. Если прокурор считал, что их достаточно и они говорят о виновности лица, то он составлял обвинительный акт и передавал дело в суд. Как мы видим, прокурору могли подготовить проект акта нижестоящие работники.

В дальнейшем материалы дела рассматривала и готовила обвинительный акт для суда Судебная палата, которая находилась в Казани. Пока дело рассматривалось в Судебной палате, в июне произошло новое событие.

27 июня судебный следователь сообщил прокурору ВОС об изменении меры пресечения. Он указывал, что «27 июня поступило прошение от троих названных поручителей, именно Арефы Ксенофонтова, Ефима Поликарпова, Ивана Назарова Оносовых, в коем они ходатайствуют об освобождении их от дальнейшего поручительства за Ветлужских ввиду того, что последний имеет намерение скрыться из места своего жительства.

Судебный следователь постановил:

Потребовать от священника представить поручительство в сумме недостающих 165 руб., а впредь заключить под стражу в Яранскую тюрьму» [там же, л. 35].

Священник снова был заключен в тюрьму. Но 9 августа оставшиеся крестьяне сообщили, что готовы взять его на поруки и распределить всю сумму между собой. Ветлужских снова освободили на поруки [там же, л. 43].

На этом история со взятием на поруки не закончилась. 24 сентября поступило прошение двух крестьян Степана Оносова и Василия Краева об освобождении от дальнейшего поручительства ввиду того, что последний имеет

намерение скрыться из места своего жительства [там же, л. 43]. Священника опять препроводили в тюрьму.

Как мы видим из архивных материалов, суд Казанской судебной палаты состоялся практически через год, 7 мая 1908 г. На нем на основании ст. 948 и 949 УУС священник Матвей Григорьев Ветлужских был осужден на 1 месяц заключения в тюрьме по п. 2 ст. 103 и п. 3 ст. 130. Приговор вступил в законную силу 24 мая, но срок наказания исчислили с 7 мая текущего года [там же, л. 48]. Статья 948 Устава Уголовного судопроизводства гласила, что все распоряжения по исполнению приговора, выходящие из круга непосредственных судебных действий, относятся к обязанностям прокурора, которому выдается копия протокола о каждом обвинительном приговоре. Статья 949 обязывала прокурора сообщать властям, где приговор будет приведен в действие, а также точно следить за его исполнением. Такие меры, как реализация приговора в виде заключения, взятие под надзор и изыскание убытков возлагались на органы полиции.

Ветлужских был заключен в Вятский тюремный замок 7 мая 1908 г. [там же, л. 53]. Через 2 месяца Вятский городской полицейский управник уведомил прокурора ВОС, что бывший священник Ветлужских окончил срок заключения в Вятском тюремном замке 7 июня 1908 г. [там же, л. 56]. Из чего следует, что помимо наказания преступника лишили и прав состояния. Через два года, 19 августа 1910 г., Казанская судебная палата уведомила прокурора ВОС о необходимости уплаты Ветлужских судебных издержек в размере 17 руб. 62 коп. [там же, л. 59]. Все расходы по уголовным делам взыскивались с виновных (ст. 154 ОПП). Однако 31 августа 1910 г. Яранское полицейское управление предоставило прокурору ВОС донесение с актом о несостоятельности священника М. Ветлужских к уплате судебных издержек [там же, л. 59].

Какие выводы можно сделать на основании данного предварительного следствия по делу? Мнение отдельных исследователей о том, что прокуратура имела существенные недостатки, не соответствует реальному положению вещей [25].

Прокуратура пореформенного времени была практически полностью независима от исполнительной власти. Дела, даже по государственным преступлениям, велись ею самостоятельно, без вмешательства со стороны. Влиятельные организации, такие как Русская православная церковь, даже не пытались оказывать воздействие на следствие. Деятельность прокуратуры была регламентирована законодательством. Работники прокуратуры строго следовали букве закона. А вот с мнением, что уголовное преследование в уголовном судопроизводстве постепенно выступало в качестве основной функции прокуратуры, вытесняя прокурорский надзор на второй план, стоит согласиться [26, с. 37].

Отметим важнейшую роль прокурора в досудебном процессе. Он полностью контролировал ход дела. Делал внушение сотрудникам полиции, в данном случае ротмистру. Также плотно взаимодействовал с судебным следователем. Прокуратура была, по сути, единственным институтом, который и осуществлял надзор за следствием.

Утверждение современных исследователей о том, что «жандармское ведомство было возведено в ранг самостоятельной и сильной следственной силы по политическим делам, после которой следственно-судебной власти уже фактически нечего было делать» [6] опровергается ходом рассматриваемого в нашей статье дела. Прокурорские работники были как минимум более компетентны в юридических знаниях, кроме того, перепроверяли сведения, полученные в ходе дознания.

Вместе с тем, такое двойное следствие, сначала в виде дознания полицией, а потом работы следователя, предполагало большой объем переписки, которая могла затягивать следствие. Что и показало данное дело, которое расследовалось несколько лет.

Кроме того, рассмотрение государственных преступлений в судебных палатах, которые объединяли несколько губерний, в период русских революций привело к значительному количеству дел, которые мог бы решить окружной суд. Это также вело к затягиванию рассмотрения дел, ввиду переписки между учреждениями. С другой стороны, де-факто следствием по государственным преступлениям в Вятской губернии руководил не прокурор Казанской судебной палаты, а прокурор Вятского окружного суда.

В указанный период прокуратура занималась преимущественно государственными преступлениями. Их количество намного превысило прочие уголовные преступления. На подготовку дела к суду обычно уходило до двух лет. Процесс был отлажен достаточно хорошо. При этом нетипичные дела приводили к затягиванию следствия. Но именно четко прописанные правила следствия позволяли справляться с увеличившимся количеством дел.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. – СПб., 1866. – 504 с.
2. Устав Духовных Консistorий 1841 года. – СПб.: Синодальная Типография, 1843.
3. Гусакова, Ю. С. Взаимодействие судебного следователя и прокурора в России по реформе 1864 года / Ю. С. Гусакова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 16 (71). – С. 162–165.
4. Симонян, Р. З. Взаимодействие органов прокуратуры и полиции на стадии предварительного следствия во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Курской губернии) / Р. З. Симонян // Клио. – 2014. – № 12 (96). – С. 48–53.
5. Казанцев, С. М. Прокурорский надзор за органами дознания и следствия по политическим делам в России во второй половине XIX века / С. М. Казанцев // Государственный строй и политико-правовые идеи России во второй половине XIX столетия. – Воронеж, 1987. – С. 114–124.
6. Краковский, К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века / К. П. Краковский // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2012. – № 5: – URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/112> (дата обращения: 23.12.2023).
7. Рыжаков, Д. Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX–начала XX века / Д. Г. Рыжаков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 198–204.
8. Матвеева, Е. С. Изменения в церковном судопроизводстве по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России во II половине XIX века / Е. С. Матвеева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 2. – С. 257–264.
9. Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб.: Издание Каменноостровского Юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903.
10. Основные положения преобразования судебной части в России. – М.: Типография В. Готье, 1863.
11. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1 – изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. – СПб.: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867.
12. Казанцев, С. М. История царской прокуратуры / С. М. Казанцев. – СПб., 1993.
13. Высочайше утвержденные правила о порядке действия чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLVI. Отд.1. – СПб., 1874. – С. 591–594 (№ 49615).
14. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 33. Оп. 2. Д. 1089.
15. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 962–967, 973–979, 1012–1015, 1017–1021, 1035–1043, 1120, 1122, 1023, 1027–1129, 1131–1140.
16. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 955, 957, 970–972, 1055–1059, 1069, 1075–1087, 1093, 1143.
17. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1061–1068, 1070, 1094–1097, 1100, 1121, 1124–1126, 1130.
18. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 953.
19. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1098.
20. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1033.
21. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 981–1001, 1011, 1025–1028, 1044–1053, 1087–1092, 1103–1119.
22. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1154, Д. 1224, 1548.
23. Погорецкий, Н. А. О соотношении розыска, дознания и следствия по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. / Н. А. Погорецкий // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 9 (46). – С. 1972–1979.
24. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ф. 237. Оп. 2. Д. 200 А. Л. 149.
25. Кириллов, М. М. Устройство Нижегородской прокуратуры по судебной реформе 1864 года / М. М. Кириллов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – № 4. – С. 221–224.
26. Смыкалин, А. С. Ограничение прокурорского надзора в свете судебной реформы 1864 г. / А. С. Смыкалин //

References

1. Sudebnyye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniyem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany [Judicial Statutes of November 20, 1864, with a statement of the reasoning on which they are based]. Part.2. – St. Petersburg, 1866. – 504 p.
2. Ustav Dukhovnykh Konsistoriy 1841 goda [Statute of the Spiritual Consistories of 1841]. – St.Petersburg: Sinodalnaya Tipografiya [Synodal Printing House], 1843.
3. Gusakova, Yu. S. Vzaimodeystviye sudebnogo sledovatelya i prokurora v Rossii po reforme 1864 goda [Interaction of the judicial investigator and the prosecutor in Russia on the Reform of 1864] / Yu. S. Gusakova // Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [Sci. Bulletin of Belgorod State Univ. Series: Philosophy. Sociology. Law]. – 2009. – № 16 (71). – P. 162–165.
4. Simonyan, R. Z. Vzaimodeystviye organov prokuratury i politzii na stadii predvaritel'nogo sledstviya vo vtoroy polovine XIX – nachale KHKH v. (po materialam Kurskoy gubernii) [Interaction of the Prosecutor's Office and the Police at the stage of preliminary investigation in the second half of the XIX – early XX century (based on materials from the Kursk Province)] / R. Z. Simonyan // Klio. – 2014. – № 12 (96). – P. 48–53.
5. Kazantsev, S. M. Prokurorskiy nadzor za organami doznaniya i sledstviya po politicheskim delam v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [Prosecutorial supervision of bodies of inquiry and investigation in political matters in Russia in the second half of the XIX century] / S. M. Kazantsev // Gosudarstvennyy stroy i politiko-pravovyye idei Rossii vtoroy poloviny XIX stoletiya [The state system and political and legal ideas of Russia in the second half of the XIX century]. – Voronezh, 1987. – P. 114–124.
6. Krakovsky, K. P. Politicheskoye doznaniye vo vtoroy polovine XIX – nachale KHKH veka [Political investigation in the second half of the XIX–early XX century] / K. P. Krakovsky // Istoriko-pravovyye problemy: novyy kurs [Historical and legal problems: a new perspective]. – 2012. – № 5. – URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/112> (accessed: 23.12.2023).
7. Ryzhakov, D. G. Verny zakonu i gosudaryu: nekotoryye aspekty deyatel'nosti prokuratury pri rassledovanii gosudarstvennykh prestupleniy v Rossii vtoroy poloviny XIX nachala XX veka [Faithful to the law and the sovereign: some aspects of the Prosecutor's Office activities in investigating state crimes in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] / D. G. Ryzhakov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bull. of N. Lobachevsky Nizhny Novgorod Univ.]. – 2011. – № 5 (1). – P. 198–204.
8. Matveeva, E. S. Izmeneniya v tserkovnom sudoproizvodstve po delam o prestupleniyakh, sovershayemykh dukhovnymi litsami v Rossii vo II polovine XIX veka [Changes in church judicial proceedings in cases of crimes committed by clergy in Russia in the second half of the XIX century] / E. S. Matveeva // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Bull. of Social Sciences]. – 2014. – № 2. – P. 257–264.
9. Novoye Ugolovnoye ulozheniye, vysochayshe utverzhdennoye 22 marta 1903 g [New Criminal Code, highly approved on March 22, 1903]. – St. Petersburg: Edition of Kamenostrovsky Legal Bookstore of V. P. Anisimov, 1903.
10. Osnovnyye polozheniya preobrazovaniya sudebnoy chasti v Rossii [The main provisions for the transformation of the Judicial System in Russia]. – Moscow, V. Gauthier Printing House, 1863.
11. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva [The Charter of Criminal Procedure] // Sudebnyye ustavy 20 noyabrya 1864 goda: s izlozheniyem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany [Judicial Charters of November 20, 1864: outlining the reasoning on which they are based]. Part. 1. – St. Petersburg: published by the State Chancellery in the Printing House of the 2nd department of Her Imperial Highness's Own Chancellery, 2nd edition, revised and updated, 1867.
12. Kazantsev, S. M. Istoriya tsarskoy prokuratury [History of the Tsarist Prosecutor's Office] / S. M. Kazantsev. – St. Petersburg, 1993.
13. Vysochayshe utverzhennyye pravila o poryadke deystviya chinov korpusa zhandarmov po issledovaniyu prestupleniy [Imperially Approved Rules on the procedure for the actions of Gendarme Corps Ranks in investigating crimes] // PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. XLVI. Section 1. – St. Petersburg, 1874. – P. 591–594 (No. 49615).
14. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti (TsGAKO) [Central State Archive of the Kirov Region]. F. 33. Op. 2. D. 1089.
15. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 962–967, 973–979, 1012–1015, 1017–1021, 1035–1043, 1120, 1122, 1023, 1027–1129, 1131–1140.
16. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 955, 957, 970–972, 1055–1059, 1069, 1075–1087, 1093, 1143.
17. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 1061–1068, 1070, 1094–1097, 1100, 1121, 1124–1126, 1130.
18. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 953.
19. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 1098.
20. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 1033.
21. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 981–1001, 1011, 1025–1028, 1044–1053, 1087–1092, 1103–1119.
22. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 1154, D. 1224, 1548.
23. Pogoretsky, N. A. O sootnoshenii rozyska, doznaniya i sledstviya po Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 g. [On the relationship between search, inquiry, and investigation under the 1864 Charter of Criminal Procedure] / N. A. Pogoretsky // Aktualnyye problemy rossiyskogo prava [Current Issues of Russian Law]. – 2014. – № 9 (46). – P. 1972–1979.
24. TsGAKO. F. 33. Op. 2. F.237. Op.2. D. 200 A. L. 149.
25. Kirillov, M. M. Ustroystvo Nizhegorodskoy prokuratury po sudebnoy reforme 1864 goda [The structure of the Nizhny Novgorod Prosecutor's Office under the Judicial Reform

of 1864] / M. M. Kirillov // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal [Gaps in Russian Legislation. Law J.]. – 2011. – № 4. – P. 221–224.

26. Smykalin, A. S. Ogranicheniye prokurorskogo nadzora v svete sudebnoy reformy 1864 g. [Limitation of prosecu-

torial supervision in the light of the Judicial Reform of 1864] / A. S. Smykalin // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bull. of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. – 2015. – № 3. – P. 36–40.

Информация об авторе:

Скутнев Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Вятского государственного университета; ORCID 0000-0003-3016-6805, SPIN-код: 7186-5064 (610000, Российская Федерация, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26; e-mail: skutnev@mail.ru).

Author:

Alexei V. Skutnev – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University; ORCID 0000-0003-3016-6805, SPIN-code: 7186-5064 (26, Krasnoarmeiskaya st., Kirov 610000, Russian Federation; e-mail: skutnev@mail.ru).

Для цитирования:

Скутнев, А. В. Роль прокуратуры при расследовании государственных преступлений священнослужителей после судебной реформы 1864 года / А. В. Скутнев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 84–91.

For citation:

Skutnev, A. V. The role of the Prosecutor's Office in investigating state crimes committed by clergy after the judicial reform of 1864 / A. V. Skutnev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 84–91.

Дата поступления статьи: 13.01.2026

Прошла рецензирование: 23.01.2026

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 13.01.2026

Reviewed: 23.01.2026

Accepted: 30.01.2026